

(датировка и трактовка которых порой не однозначна). Без учета уровня социально-политического развития Боспорского государства в рассматриваемую эпоху решить вопрос о правовом статусе земель дальней хоры невозможно.

Литература

1. *Блаватский В.Д.* 1953: Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
2. *Кругликова И.Т.* 1975: Сельское хозяйство Боспора. М.
3. *Масленников А.А.* 1998: Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.
4. *Масленников А.А.* 2001а: Сельские поселения европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследований // Боспорские исследования. Вып. I. Симферополь, 75–100.
5. *Масленников А.А.* 2001б: «Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н.э. (К вопросу о локализации) // ВДИ. 1, 178–190.
6. *Сапрыкин С.Ю.* 2002а: Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.
7. *Сапрыкин С.Ю.* 2002б: Аспург, царь Боспора // Древности Боспора. Вып. 5. М., 207–223.
8. *Сапрыкин С.Ю.* 2003: Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 1, 11–33.
9. *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* 2007: Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь–Керчь.
10. *Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф.* 2011: Особенности проксенической деятельности Боспора // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. IV. М., 89–114.
11. *Шелов-Коведяев Ф.В.* 1985: История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год / А.П. Новосельцев (ред.). М., 5–187.

Е.И. Соломатина,
научный сотрудник Отдела сравнительного
изучения древних цивилизаций
Института всеобщей истории РАН

© 2013 г.

«АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

N. MORLEY. Roman Empire: Roots of Imperialism. London–New York: Pluto Press, 2010. X, 160 p.*

Изучение римского империализма имеет более чем столетнюю историю, которая самым непосредственным образом связана с развитием и крахом колониальных и континентальных империй Нового и Новейшего времени, постколониальной и постимпериалистической ситуацией, процессами глобализации конца XX и начала XXI в.¹ Исследовательская активность в этом направлении, выра-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.2.1; соглашение № 14. В 37, 21.0962), проект «Образы прошлого в историографических и политических дискурсах Западной Европы и России».

¹ Первые работы по истории Рима, в название которых было вынесено понятие «империализм», появились в конце XIX – начале XX в. (Seeley 1889; Arnold 1906; Frank 1914), когда эта категория стала широко использоваться и в публицистике, и в теоретико-идеологических построениях. О взаимосвязи исторического контекста и концепций империализма см., например: Webster 1996; Hitchner 2008.

звившаяся в 1960–80-е годы в появлении ряда важных трудов и в оживленных дискуссиях², вышла на новый уровень в 1990-е и 2000-е годы. Если в первый из названных периодов основное внимание уделялось становлению римской державы, факторам и характеру римской экспансии (и соответственно периоду Республики), то в последние 20 лет произошло заметное смещение интереса к собственно имперскому опыту Рима и к эпохе Империи³, которые, очевидно, имеют ощутимый резонанс с современным глобальным миром, его политическими и интеллектуальными вызовами. Данная тенденция коррелирует и с общим интересом к проблематике империй, явно возросшим в конце XX в., о чем может, в частности, свидетельствовать становление «новой имперской истории» и империологии как гуманитарно-исторических дисциплин, которые активно вырабатывают свои подходы и методологию⁴. Несомненным знаком высокого интереса к римскому империализму является и появление в последние годы работ, которые ориентированы в первую очередь на студенческую аудиторию и призваны познакомить ее с основными источниками и дебатами по данной теме⁵.

В таком историографическом контексте следует рассматривать и новую книгу Невилла Морли, профессора Бристольского университета, известного специалиста по социально-экономической истории античности, рецепции античного наследия в общественной мысли XVIII–XIX вв. и теоретическим аспектам историографии. Книга опубликована в серии «Корни империализма», нацеленной на то, чтобы показать актуальность древних империй для современного мира, и поэтому рассчитана не только на специалистов.

Во Введении, имеющем подзаголовок «Империя без границ»⁶, автор показывает особую востребованность исторического опыта Рима – как «архетипической империи, эпитомы и высшего выражения имперской власти» – в идеологическом обосновании и критике как «классического», так и новейшего империализма. В последние 20 лет этот опыт по-разному интерпретируется в различных политико-идеологических дискурсах и контекстах. Если сравнение современных США с Римской империей⁷ используется в попытках ребрендинга империализма как экспансии цивилизации и защиты угнетенных меньшинств с опорой на «мягкую власть», а не на военную силу, то ссылки на Римскую империю применительно к Европейскому союзу чаще звучат для предостережения об опасных последствиях введения единой валюты, разрушении национальной идентичности и т.д.

Мнение современных апологетов империализма о Риме как стабильном и хорошо известном объекте, который легко можно сравнивать с современным миром, Морли называет иллюзией, подчеркивая, что, несмотря на усилия ученых, наши знания о Риме фрагментарны и противоречивы. Современные идеологи, ссылающиеся на римский опыт, используют в лучшем случае некий собирательный образ. В этом и состоит одна из причин, почему Римская империя заслуживает изучения: ее надо знать не для оправданий гуманитарной или вооруженной интервенции, но для правильной постановки вопросов о современных концепциях империи и империализма и их влиянии на политику наших дней. «Задача историка – понять Рим и его непрекращающееся влияние, с тем чтобы подорвать его власть над современным воображением»⁸, – такой фразой завершает Морли свою книгу (с. 135), и именно такое понимание он стремится донести до читателя, опираясь на результаты новейших исследований и собственную интерпретацию источников.

² См. Badian 1968; Errington 1971; Imperialism...1978; Harris 1979; Gruen 1984; The Imperialism... 1984.

³ См. Roman Imperialism 1996; Dialogues... 1997; Experiencing Rome... 2000; Hingley 2005; Revell 2009; The Roman Empire... 2011; Mattingly 2011. Слово «империя» мы употребляем с заглавной буквы, если речь идет о Римской империи, и со строчной – если подразумевается империя вообще.

⁴ Об этом см. Лурье 2011 (с литературой). См. также: Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она ведет? Беседа с редакторами журнала «Ab Imperio» Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // Логос» 2007. № 1 (<http://www.ruthenia.ru/logos/number/58/13.pdf>).

⁵ См. Roman Imperialism 2004; Erskine 2010.

⁶ Это цитата из «Энеиды» Вергилия (I. 278). Главы книги тоже имеют названия-эпиграфы с поясняющими подзаголовками: «“Карфаген должен быть разрушен”»: динамика римского империализма» (гл. 1); «“Создав пустыню, они называют это миром”»: характер римского правления» (гл. 2; цитата из Tac. Agr. 30. 4); «“Эмпорий мира”»: экономическое влияние Империи» (гл. 3); «“Они называли это цивилизацией”»: динамика культурных изменений» (гл. 4; сокращенная цитата из Tac. Agr. 21. 3: *idque arud imperitis humanitas vocabatur...*); Заключение называется «Envoi: “Упадок и крушение”» (*envoi* фр. – «ключительная строка стихотворения»).

⁷ Из недавних работ на эту тему см., например: Adler 2008; Burton 2011.

⁸ Ср. более образную формулировку на с. 13: «Римская империя все еще правит нами, и нам нужно понять наших правителей и их систему, чтобы освободить себя».

Соответствующим образом Морли определяет цель своей работы – предложить ответы на три взаимосвязанных вопроса: как образы классической древности были сформированы опытом современного империализма и колониализма; как современные дискурсы по поводу империализма, глобализации и модернизации сложились на основе противоречивого образа Древнего Рима; и как современные научные интерпретации римского империализма могут осветить динамику, последствия и траекторию империализма современного. Морли подчеркивает, что его книга – это скорее введение к важным темам, краткое и полемическое изложение ряда обширных и дискуссионных предметов, сконцентрированное на динамике римского империализма⁹, внутренней логике экономической, социальной, культурной и политической систем.

В I главе автор критически разбирает распространенные в современной литературе концепции римского империализма, указывая на спорность самого использования термина «империализм» при анализе римской экспансии и формулируя собственные методологические принципы и взгляды на причины и характер римских завоеваний. В своем анализе Морли исходит из того, что не следует ограничивать значение термина «империализм» только специфически и исключительно современными феноменами, но нужно найти баланс между сходством и отличием, имея в виду как вариации различных исторических империализмов, так и контексты, в которых они развивались. Важно учитывать соотношение между компаративистскими обобщениями и исторической спецификой: обращение к современным теориям как источнику идей о функционировании общества, которые открывают новые возможности интерпретации древних свидетельств, должно сочетаться с модификацией понимания «империализма» как более общего исторического феномена в свете римского опыта.

Методологически существенным является и вопрос о том, насколько и в каком отношении отдельные эпизоды могут рассматриваться как типические. Здесь, по мнению Морли, важно учитывать три момента: во-первых, сложность процесса принятия решений в Риме и, соответственно, тех мотивов, что стояли за этими решениями; во-вторых, изменения самого римского империализма во времени¹⁰; в-третьих, состав основных источников, среди которых очень мало таких, которые предлагают в освещении событий перспективу, альтернативную римскому взгляду на вещи. По словам Морли, «... чтобы показать реальность римского империализма, необходимо противостоять не только мифологизации Рима более поздними обществами, но и мифам и спорам самих римлян» (с. 25)¹¹.

Говоря о факторах и мотивах римской экспансии, британский исследователь выступает как против мнения о ключевой роли материальных интересов, так и против абсолютизации «психологического» подхода к пониманию римского империализма, выдвигающего на первый план мотив славы, к которой стремились римские аристократы¹². В рамках второго подхода милитаризованная идеология римлян принимается как данность, но ее можно рассматривать скорее как продукт, а не как причину римских завоеваний. Более того, данный подход концентрируется только на решениях, принимаемых в центре, рассматривая империализм исключительно в перспективе завоевателей и колонизаторов. Более плодотворным может быть акцентирование внимания на имперской периферии, позволяющее выяснить условия, которые делали ту или иную страну уязвимой для внешнего воздействия, и увидеть разнообразие ситуаций, с которыми римляне сталкивались в ходе своей экспансии. Впрочем, Морли в признании того, что завоеванные народы не всегда были пассивными жертвами римской агрессии, видит опасность возрождения концепции «оборонительного империализма». Критически относится он и к подходам, развиваемым с позиций реалистической школы международных отношений, согласно которой империя является естественным результатом приспособления государства к враждебному окружению и обладания определенными материальными преимуществами над сопер-

⁹ Слово «динамика» вообще очень часто употребляется на страницах книги, что свидетельствует о стремлении автора показать историю Римской империи как процесс, точнее, как взаимосвязь нескольких процессов.

¹⁰ Ср. с мнением Д. Мэттингли (2011, 17), который предлагает говорить не о едином римском империализме, но об *империализмах*, подчеркивая, что то, что описывается этим понятием, было динамичным феноменом, на который влияли изменения и в центре, и на периферии Империи, и разного рода системные факторы.

¹¹ Для этого стоило бы обратиться к вопросу о римском понимании империи как особого государственного организма, проследить динамику тех понятий и выраженной в них идеологии, которые связаны с «языком империи». Этой теме посвящена недавняя работа Дж. Ричардсона (Richardson 2008), которая, к сожалению, не использована в рецензируемой книге.

¹² Соответствующая концепция получила обоснование в известной работе У. Хэрриса (Harris 1979).

никами¹³. По мысли автора, окружение Рима было более анархическим, сложным и непредсказуемым, чем допускается реалистической теорией, поэтому ее постулаты о государствах, стремящихся к максимизации власти и обеспечению безопасности, служат лишь очень общим ориентиром для понимания динамики римского империализма.

Собственное объяснение причин римского экспансионизма автор строит на анализе того, что он именует *military-political-agricultural complex*. Его развитие до середины II в. до н.э. определялось двумя взаимосвязанными процессами. Это, во-первых, цикл накопления (*accumulation*) среди римской элиты, т.е. сосредоточение в ее руках материальных ресурсов как средства приобретения статуса и магистратур, а соответственно и возможностей добиться военной славы, которая, в свою очередь, сулила почести и богатство. При этом успехи римского империализма и стабильность общества зависели от поддержания внутри элиты равновесия между соперничеством и солидарностью, и система включала ряд сдержек, призванных не допустить эксцессов и концентрации власти в одних руках.

Второй процесс Морли называет циклом устойчивости, который обеспечивал саму возможность военной активности Рима благодаря прежде всего той материальной заинтересованности римских граждан и италийских союзников в войнах, которая была связана не только с военной добычей, но и с низкими налогами, общественным благоустройством, а также с тем, что военные потери сдерживали рост населения, что позволяло поддерживать стандарты жизни без повышения производительности.

Создание обширной державы нарушило оба цикла. В связи с ростом городских центров, распространением рабовладельческих вилл, ориентированных на рынок, крестьянские семьи, чьи сыновья участвовали в длительных заморских кампаниях, лишились прежних выгод от войн и массово разорвались. В то же время после завоевания богатого Востока существенно увеличились выгоды, извлекаемые из государственных должностей, соответственно обострилась борьба за них и возросли связанные с ней расходы; интересы государства были теперь подчинены немногим могущественным индивидам, которые стремились укрепить свои позиции с помощью масштабных военных предприятий. Рим продолжал вести завоевательные войны, несмотря на то что это угрожало коллапсом всей политической системы. Выходом стала замена республики монархией и завершение цикла завоеваний. Легитимность императорской власти, помимо прочего, обеспечивалась провозглашением мира и ликвидацией разрушительных отношений между богатством, властью и войной¹⁴.

Глава II, посвященная характеру имперской системы управления, начинается с краткой характеристики тех дебатов о современном империализме, в которых отмечается резкий контраст между процессом создания Империи и системой имперского правления и подчеркивалась благотворность римского владычества для провинций. В связи с этим Морли обращается к анализу таких элементов римской власти, как мир, урбанизация, сотрудничество местных элит с римлянами, система провинциального управления. Общим лейтмотивом здесь является тезис о сочетании в римской имперской системе «мягкой власти» и силы. Как резонно подчеркивает автор, то, что императоры и их «пропагандисты», называли миром, отнюдь не совпадает с современными представлениями о нем. *Pax Romana* – это прежде всего отсутствие гражданских войн и согласие, но это также и установление абсолютного господства в результате успешного завоевания, отсутствие сопротивления римской власти. Выступления против последней расценивались как бандитизм, что лишало протестное движение какой бы то ни было легитимности.

С установлением принципата военная слава стала фактической монополией императора, который соперничал не с другими аристократами, но со своими предшественниками или с образом идеального правителя и поэтому мог обойтись без ежегодного кровопролития. Экспансия стала более методичной и контролируемой, более рациональной.

В контроле за провинциями важным преимуществом Рима по сравнению с современными империями была опора на местные элиты, к которым прагматичные римляне, не склонные руководствоваться ни расовой чистотой, ни идеологической совместимостью, относились не как к подданным,

¹³ Критический взгляд на применение реалистских (и неореалистских) моделей к изучению системы международных отношений в Средиземноморье в период римской заморской экспансии предложил недавно Пол Бёртон, который, обращаясь к подходам, разрабатываемым в рамках такой теории международных отношений, как конструктивизм, показывает особую роль дискурсивных практик («языка идей»), связанных с категорией «дружбы» (*amicitia*), в истории римской внешней политики IV–II вв. до н.э. (Burton 2011a). О реалистической теории применительно к древнему Риму см. также Васильев 2012.

¹⁴ Интересную концепцию «нисходящей траектории» римского экспансионизма при переходе от Республики к Империи, в комплексе рассматривающую идеологические и экономические факторы, предложил недавно Г. Сайдботтом (Sidebottom 2005), но его работа осталась не учтенной Морли.

но как к союзникам и партнерам, если они следовали схожему образу жизни и проявляли лояльность. Этому способствовала римская концепция гражданства, которая с самого раннего времени сильно отличалась от той, что существовала в других средиземноморских городах-государствах. «Идеология» же провинциальных элит сводилась к праву на власть. Ни националистической, ни религиозной, ни идеологической основы для устойчивой оппозиции римской гегемонии не существовало. Привлекая на свою сторону провинциальные элиты, усваивавшие элементы общей культуры, римляне привязывали их к себе узами зависимости и взаимной выгоды. Местные аристократы (и прежние племенные вожди, получавшие от римлян земельные владения, титулы и другую поддержку, и городские верхи), вместо того чтобы возглавить сопротивление, состязались друг с другом в борьбе за почести, престиж и выгоды, играя по правилам, установленным Римом, и получая при этом доступ к новым ресурсам, новым формам принуждения и идеологии.

Урбанизацию западных провинций Морли трактует как результат слияния четырех различных процессов социально-экономических и культурных изменений: концентрации, кристаллизации, интеграции и дифференциации. Концентрация людей и ресурсов в городе облегчала местной элите контроль за населением; возникновение иерархии городов, по мере того как некоторые поселения развивались благодаря своему положению в сети обмена и информации, а малые поселения все больше попадали в зависимость от них, давало преимущества тем, кто в этой иерархии стоял выше, прежде всего городу Риму. «Кристаллизация» политических, социальных, религиозных, культурных, экономических институтов, связанная с тенденцией их размещения в городах, приводила к взаимному усилению источников власти, контролируемых городской элитой. Различные формы интеграции – вовлечение значительного числа людей в общие институты, стирание различий между языками, обычаями и элементами материальной культуры – создавали более однородное общество, которое было проще контролировать. Экономическая дифференциация усиливала взаимозависимость людей в городах и власть тех, кто контролировал земельные и прочие ресурсы; политическая и социальная дифференциация упрочивала различия и противоречия между элитой и остальным населением. Таким образом, хотя развитие городов в западных провинциях действительно имело ряд благотворных экономических и культурных последствий для массы населения, первичным мотивом римлян в продвижении урбанизации был своекорыстный интерес: побуждая западных подданных становиться все более похожими на тех, кто жил в Центральном и Восточном Средиземноморье, они укрепляли власть местных элит, чтобы сделать свое доминирование как можно более надежным и эффективным. Благодаря такому стилю господства, которое после замирения завоеванной провинции становилось практически невидимым для большинства жителей, любая враждебность последних направлялась не против Рима, но против местной элиты.

Характеризуя административные структуры римского провинциального управления, Морли подчеркивает их минимализм и дешевизну, поскольку большая часть связанных с управлением задач была передана местной знати. Римское провинциальное управление по современным стандартам было почти целиком бессистемным и дилетантским. Это было следствием тех задач, которые стояли перед римскими наместниками в провинциях и заключались не в администрировании, а в согласовании противоречивых интересов и требований различных городов или различных групп провинциалов, т.е. в политическом регулировании. Необходимыми качествами для такой работы были умения искусного политика, а не эффективного администратора, и римская политическая система была идеальным источником таких людей. Все это в целом делало римское провинциальное управление гибким, легко приспособляемым к местным обстоятельствам и сравнительно дешевым.

В заключительной части II главы Морли предлагает ответ на вопрос о том, почему Империя оставалась устойчивой при том, что она была слишком велика, ее технологические возможности слишком ограниченными, а административная структура слишком слабой, чтобы осуществлять интенсивное регулирование. Главное объяснение заключается в том, что римское правление основывалось на совпадении интересов локальных элит, наместников и Империи в целом. Даже если местные правящие круги вынуждены были довольствоваться меньшей долей по сравнению со временем полной независимости, они получали взамен доступ к римским ресурсам и власти, возможность притязать на более высокий статус в рамках имперской системы. Империя же, получая меньшую долю, экономила на издержках администрации. При этом сотрудничество провинциальных элит с центральной властью гарантировалось и страхом, основанным на хорошо известной готовности Рима к силовым акциям. Спокойствие обуславливалось и отсутствием единства среди подданных Империи, которые жили отдельными общинами, разделенными в политическом и культурном отношении и соперничавшими друг с другом в условиях селективного распределения поощрений. В такой ситуации Рим и его культура становились единственным объединяющим фактором. Создавалась транссредиземноморская клептократия, система совместного паразитизма, в которой местные агенты получали возможность обирать собственный народ в обмен на право стать римлянами и подняться на вершину социальной

пирамиды. Со временем сотрудничество местных элит с римской властью становилось делом привычки, традиции, общей культуры и символического порядка.

Империя существовала столь длительное время, поскольку еще в начале борьбы за установление своей власти в Италии Рим выработал модель управления, достаточно гибкую, чтобы действовать почти в любой ситуации.

Обращаясь в III главе к проблемам экономического влияния Империи, Морли ставит вопрос о том, было ли оно паразитическим или иногда имело и положительный эффект, была ли римская глобализация силой экономического развития или просто более мощным средством эксплуатации. При этом он опирается на ряд современных экономических концепций, которые, в частности, по-новому освещают экономические последствия интеграции и глобализации, а также роль государственных институтов в создании условий для экономического роста, и приводит ряд аргументов против «пессимистической» характеристики античной экономики как примитивной и ограниченной. Тот факт, что античность не знала экспоненциального экономического роста, еще не означает, что роста не было вообще. «Пределы возможного» в доиндустриальной экономике были невелики, но в этих пределах имелся широкий простор для вариаций. Для экономических структур Империи большое значение имело создание единого экономического и культурного пространства. Империя «...имела достаточно власти, чтобы раздвинуть “пределы возможного” хотя бы в некоторых обстоятельствах и предпринять шаги, которые могли облегчить их в долгосрочной перспективе, по меньшей мере для части жителей; она могла изменить условия, при которых отдельные экономические акторы принимали свои решения» (с. 74). Это относится прежде всего к снижению издержек на обмен благодаря установлению единой монетной системы, единых мер и весов. Беспрецедентный рост денежной массы в обращении в первые века нашей эры отражает увеличение объемов и стоимости товаров, а также ускорение оборота, что свидетельствует о распространении денежной рыночной экономики. По мнению автора, отсутствие таких современных финансовых инструментов, как банкноты, векселя и т.д., не означало ограниченности римской экономики, но, напротив, может быть знаком того, что государственная эмиссия денег была более чем достаточна для поддержания экономической активности.

В Империи прибавочный продукт, производимый в разных частях державы, перераспределялся и концентрировался в особых центрах спроса на товары (главными среди них были армия, столица и новые города). Ресурсы, которые в противном случае просто потреблялись бы производителями, теперь обеспечивали расширяющуюся структуру перераспределения и рыночной активности. Изменения в моделях потребления касались прежде всего элит, но и совокупный спрос миллионов крестьян тоже имел существенное значение. Римская империя в целом характеризуется беспрецедентным масштабом перераспределения ресурсов благодаря сочетанию прямых действий государства и частных инициатив. Самые значительные структурные изменения, вызванные римским империализмом, произошли в организации и эксплуатации труда. И дело здесь не в том, что римляне экспортировали такую форму производства, как рабовладельческая вилла, но в том, что они устанавливали новые правила социального взаимодействия, в котором проявление господства над другими имело особое значение.

В заключительном разделе главы, который называется «Неравенство и риск», автор подчеркивает, что политическая интеграция Римской империи зависела от связей, от способности мобилизовать и перемещать ресурсы, людей и информацию, но в то же время политическая интеграция и те разнообразные меры, которые римское государство предпринимало для сохранения своего господства, способствовали дальнейшей взаимосвязности державы; в этом же направлении работал и тот способ, каким политическая элита расходовала богатства, полученные в результате завоевания. В сравнении с современной глобализацией уровень экономической интеграции был ограничен медленностью коммуникаций и балластом натурального хозяйства, которое даже в регионах, в наибольшей степени ориентированных на рынок, давало основной объем производства. Тем не менее в сравнении с более ранними периодами и другими сопоставимыми империями рыночный сектор экономики был значительным и приводился он в движение прежде всего динамикой того, что Майкл Манн назвал «легионерской экономикой»¹⁵, но затем развивался сам по себе. Невозможно отрицать общий значительный рост производства в период Империи, связанный с введением в оборот новых земель и более интенсивной обработкой старых, с использованием новых технологий, с распространением новых сортов. Но рост этот был скорее экстенсивным, и остается неясным, сопровождалось ли общее увеличение валового внутреннего продукта ростом реальных подушных доходов, или же, как и в других доиндустриальных обществах, рост производства обеспечивался увеличением численности населения. Те значительные ресурсы, которыми распоряжались римская элита и те, кто с ней сотрудничал, могли

¹⁵ Mann 1986, 148–155.

означать большую эффективность в присвоении прибавочного продукта (прежде всего благодаря использованию рабского труда), а не действительное увеличение его общего размера.

Приобрела ли какие-нибудь выгоды от этого экономического развития масса рядового населения? Данных для ответа на этот вопрос нет, как неизвестно и то, выросла ли абсолютная бедность, каково было соотношение между бедными и богатыми, хотя есть ясные свидетельства, что среди рядового населения существовали различия в уровне богатства. Так или иначе, в выигрыше на всех стадиях производства, распределения и потребления товаров оказывалась землевладельческая элита благодаря прежде всего абсолютным размерам своих поместий, приносивших постоянный доход независимо от вложений в нововведения. Таким образом, динамика римского империализма, создававшая экономический рост, имела своим главным экономическим результатом расширение контроля этой элиты над прибавочным продуктом Империи.

В главе IV Морли обращается к такой активно дебатированной (особенно в последние 10–15 лет) теме, как механизмы широкой культурной трансформации в рамках Римской империи, сосредотачивая внимание на характере отношений между политическими и социокультурными структурами¹⁶. Автор обосновывает тезис о том, что именно эти изменения делали возможным имперское правление по римской модели. Прежде всего он останавливается на процессах, которые начиная с Т. Моммзена и Дж. Хаверфильда обозначаются понятием «романизация», вызывающем в последнее время горячие дискуссии¹⁷. Идея «романизации» влияла на представления о культурной роли современного империализма (а иногда и на политику имперских держав) и, в свою очередь, испытала влияние современных интеллектуальных и культурных течений. В последнее время это были различные постколониалистские теории, критикующие так называемые «белые мифологии». Соответственно в некоторых новейших исследованиях романизация стала рассматриваться в «туземной» (nativist) перспективе, предполагающей равное внимание к доримской культуре, которая была по сути не ниже римской, но иной; и поэтому выбор в пользу последней связан с активной ролью самих провинциалов, преследовавших собственные цели. Адаптация и адаптация римских практик играли главную роль в стратегиях местных элит, нацеленных на утверждение себя в качестве приемлемых партнеров для своих новых правителей при сохранении доминирующих позиций в местном обществе. Можно поэтому сказать, что «...провинциалы... скорее сами делали себя римлянами, нежели романизовались» (с. 112). Однако такой акцент на активной роли провинциалов как агентов собственной культурной трансформации ведет, с точки зрения некоторых археологов, к затушевыванию принудительных аспектов доминирующей римской культуры и, стало быть, к чересчур положительному взгляду на влияние Рима.

С точки зрения Морли, в разных регионах Империи обнаруживаются различные представления о «римскости», и они не были несовершенными копиями чистой римской идентичности, установленной в центре; напротив, космополитический характер столицы, подверженной влияниям со всех уголков Империи, означал, что римская идентичность, вероятно, была здесь гораздо более проблематична, нежели в той или иной провинции. Если же смотреть на Империю в целом, то очевидно, что не существовало такой вещи, как «римская идентичность» или «римская культура»; правильнее говорить о множестве «римских идентичностей» и «римских культур», которые были гибридами, имевшими и ряд общих элементов, и существенные различия, постоянно находившись в процессе развития и спора¹⁸.

Что касается собственно процессов культурных изменений, то они осуществлялись через противоречивое сочетание интеграции, дифференциации и переоценки. Интеграция связана с конструированием общего чувства идентичности и разделяемого мировоззрения как основы для имперской власти. Целью римского идеологического проекта, как считает Морли, было не создание гомогенности и абсолютной схожести среди подданных, но утверждение империи в качестве средоточия лояльности и источника солидарности общин, которая преобладала бы над их разнородностью.

Наряду с усилиями самих властей культурная интеграция Империи достигалась скорее благодаря активным усилиям тех, кто хотел стать римлянами, нежели тех, кто стремился создать империю римлян. Провинциальные элиты, борющиеся за благосклонность имперской власти, старались угадать,

¹⁶ В числе исследований недавнего времени можно указать: *Dialogues...* 1997; Whittaker 1997; Woolf 1998; *Experiencing Rome* 2000; *Being Greek under Rome* 2001; *Roman Imperialism* 2003; Hingley 2005; 2009; Tertentano 2008; Revell 2009; Longfellow 2010.

¹⁷ О переосмыслении данной категории, прежде всего в свете новых подходов и данных археологии, см. Freeman 1997; Hingley 1996; Barrett 1997; Mattingly 2002; Hingley 2003. Можно даже говорить о появлении «новой археологии империализма» (см. Alcock 1993, 3 ff.).

¹⁸ Ср. с мнением Л. Ревелл (2009, 7 f.) о «римскости» как «ластичном» дискурсе, а не неизменной идентичности.

какие формы почестей будут наиболее угодны их правителям, и постепенно учились говорить на их языке, как литературном, так и визуальном. Таким образом, именно попытки провинциальных элит утвердить собственное господство и показать свою приверженность тому, что они считали римской цивилизацией, были одним из ключевых факторов в распространении относительно единообразной городской культуры в западных провинциях. Другим фактором изменений в поведении элит был процесс дифференциации: эти элиты сосредотачивали идеологическую власть и легитимировали свое правление через подчеркнутое отделение себя от масс, используя для этого более широкий доступ к престижным товарам, новые формы социального поведения (например, распространение литературной культуры и образованности), новые техники, и тем самым приобщались к все более гомогенной элитной культуре. Но это происходило за счет интеграции Империи в целом, так как различия в доступе к власти размывали всякое понятие о равном статусе всех римлян под властью императора.

Под переоценкой Морли подразумевается пересмотр местных обычаев и идей перед лицом возвышения Рима и создания более взаимосвязанного, глобального общества. Так, греческие писатели нашли общую почву со своими новыми правителями в диалектике цивилизации и варварства, представляя себя как творцов цивилизации и рассматривая римлян как агентов распространения их культуры в мире. Процесс переоценки наблюдался прежде всего в сфере религиозных практик и идей.

Завершает IV главу раздел, посвященный издержкам глобализации, которая трактуется автором, в соответствии с идеями Д. Грюваля¹⁹, как расширение и распространение сетевых связей, общих форм социальной координации, требующих следования определенным стандартам (включая право, язык, монету, систему мер и весов), чтобы стать причастными некоему сообществу. Эта модель позволяет объяснить, в чем проявлялась ограниченность свободного выбора при смене культурных практик. Решение принять какой-либо из этих стандартов в принципе было совершенно свободным, но на деле могло быть неизбежным, если человек хотел заниматься бизнесом или вступить в отношения с римскими должностными лицами (использовавшими в западной части Империи только латинский язык). Со временем некоторые стандарты приобретали все большее господство в Империи, и их принятие становилось в меньшей степени делом выбора, чем неизбежной необходимостью для участия в социальной жизни.

Как развитие более гомогенной культуры и более единообразного набора верований облегчало римлянам и их сторонникам управление империей, так и усвоение общеимперских стандартов было полезно тем, кто действовал на межрегиональном уровне. Но развитие этих стандартов ограничивало индивидуальную свободу действий гораздо больше, чем ограничения формального суверенитета. Поэтому несмотря на то что в силу ограниченных технических ресурсов в пределах Империи всегда оставались пространства, в значительной степени свободные от ее влияния, динамика системы, как и ее идеологическая программа (*agenda*), расширяла ее проникновение в повседневную жизнь и образ мыслей.

В заключении к книге Морли кратко останавливается на такой «вечной» проблеме, как причины крушения Римской империи, образ которого всегда имел огромное значение для западного воображения, как бы мало оно ни было озабочено точным определением того, *что* приходило в упадок и *когда* пришло к гибели. В свете же новейших исследований именно эти вопросы приобретают особую важность, потому что, если принять во внимание не только политические, но также экономические, социальные и культурные структуры Империи, то хронология изменений оказывается очень дифференцированной, а сами они во многих случаях гораздо менее драматичными, чем образы катастрофического коллапса. При этом сердцевинной проблемы является двусмысленное отношение Римской империи к римской культуре, которое редко проясняется в современном дискурсе, не в последнюю очередь потому, что размывание различия между властью государства (целенаправленной и принудительной) и расплывчатой, ненасильственной властью культуры есть ключевой элемент в репертуаре империализма. Ибо смещение империи и культуры служит оправданию первой (опозиция гегемонии Запада выглядит как оппозиция свободе, демократии и т.д.), но также создает впечатление, что «нашей» культуре угрожает серьезная опасность со стороны сил, выступающих против империи, и требует одобрения любых мер для ее защиты. Распространенная аналогия с Римом и преобладание темы «упадка и крушения» в образе Рима означает, что мы стоим перед гобсоновским выбором: либо эта цивилизация как она есть, либо варварство и мрак. Возможность иного развития, не имеющего прецедентов в истории, вырастающего из распада существующего положения вещей, просто игнорируется.

Таковы основные положения и выводы книги. Написанная элегантно и ёмко, она удачно сочетает генерализации и конкретику, предлагает оригинальные трактовки и современное видение отдельных важных проблем, может быть, не всегда бесспорное, но, очевидно, ограниченный объем монографии

¹⁹ Grewal 2008. Об использовании понятия «глобализация» применительно к римскому миру см. Hingley 2011.

не позволил автору представить более подробную аргументацию и большее количество примеров. В тексте, безусловно, присутствует «левый» взгляд²⁰, но это не помешало дать взвешенное освещение научно и идеологически значимой темы. Технических недочетов в работе совсем немного. На с. 46, где приводится цитата из «Римской истории» Диона Кассия о политике Квинтилия Вара, при ссылке вместо LVI книги указана LXV. Используемая литература указывается только в примечаниях, но удобнее было вынести ее в отдельный список, тем более что раздел «Further reading» ограничивается указаниями только на англоязычные работы и, на наш взгляд, мог бы быть несколько расширен.

В целом же книга убеждает, что такую категорию, как империализм, антиковедам нельзя вычеркивать из своего исследовательского арсенала, а авторам, пишущим о современной истории, если они хотят использовать пример Римской державы, следует внимательнее следить за новейшими работами о Риме.

Литература

1. *Vasyliev A.B.* 2012: Рец.: А.М. Eckstein. Rome Enters the Greek East. From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 B.C. Oxf., 2008 // ВДИ. 1, 228–236.
2. *Лурье С.* 2011: Имперская история. Новые подходы к методологии изучения // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Г.А. Бордюгов (ред.). М., 379–398.
3. *Adler E.* 2008: Post-9/11 Views of Rome and the Nature of «Defensive Imperialism» // International Journal of the Classical Tradition. 15. 4, 587–610.
4. *Alcock S.E.* 1993: *Graecia capta*. The Landscapes of Roman Greece. Cambr.
5. The Roman Empire... 2011: The Roman Empire in context: historical and comparative perspectives. The ancient world: comparative histories / J.P. Arnason, K.A. Raafaub (eds.). Chichester–Malden.
6. *Arnold W.T.* 1906: Studies of Roman Imperialism. Manchester.
7. *Badian E.* 1968: Roman Imperialism in the Late Republic. Oxf.
8. *Barrett J.C.* 1997: Romanization: a critical comment // Dialogues... 1997, 51–64.
9. Being Greek under Rome 2001: Being Greek under Rome: Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of Empire / S. Goldhill (ed.). Cambr.
10. *Burton P.* 2011: *Pax Romana / Pax Americana*: Perceptions of Rome in American Political Culture, 2000–2010 // International Journal of the Classical Tradition. 18. 1, 66–104.
11. *Burton P.* 2011a: Friendship and Empire: Roman Diplomacy and Imperialism in the Middle Republic (353–146 BC). Cambr.
12. Dialogues... 1997: Dialogues in Roman Imperialism: Power, Discourse and Discrepant Experience in the Roman Empire / D. Mattingly (ed.). Portsmouth.
13. *Errington R.* 1971: The Dawn of Empire: Rome's Rise to World Power. L.
14. *Erskine A.* 2010: Roman Imperialism. Debates and Documents in Ancient History. Edinburgh.
15. Experiencing Rome... 2000: Experiencing Rome: Culture, Identity and Power in the Roman Empire / J. Huskinson (ed.) L.
16. *Frank T.* 1914: Roman imperialism. N.Y.
17. *Freeman P.* 1997: «Romanization» – «Imperialism»: What are we talking about? // Theoretical Roman Archaeology Conference 1996: Proceedings of the Sixth Annual Theoretical Archaeology Conference, Sheffield 1996 / K. Meadows, C. Lemke and J. Heron (eds). Oxf.
18. *Grewal D.S.* 2008: Network Power: The Social Dynamics of Globalization. New Haven–London.
19. *Gruen E.S.* 1984: The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley.
20. *Harris W.V.* 1979: War and Imperialism in Republican Rome. 327–70 B.C. Oxf.
21. Imperialism... 1978: Imperialism in the Ancient World / P. Garnsey, C. Whittaker (eds.). Cambr.
22. The Imperialism... 1984: The Imperialism of Mid- Republican Rome / W.V. Harris (ed.). Rome.
23. *Hingley R.* 1996: The «legacy» of Rome: the rise, decline and fall of the theory of Romanization // Roman Imperialism... 1996, 35–48.
24. *Hingley R.* 2003: Recreating coherence without reinventing Romanization // Digressus. The Internet Journal for the Classical World. 3, 112–119 (<http://www.digressus.org/contents.html>).
25. *Hingley R.* 2005: Globalizing Roman Culture: Unity, Diversity and Empire. L.

²⁰ Он нашел свое выражение не только в нескольких цитатах из К. Маркса и В.И. Ленина, но и в самом содержании работы: например, в вульгаризованном в духе Прудона, определении имперской элиты как транссредиземноморской клептократии.

26. *Hingley R.* 2009: Cultural diversity and unity: Empire and Rome // Material Culture and Social Identities in the Ancient World / Sh. Hales, T. Hodos (eds.). Cambr., 54–75.
27. *Hingley R.* 2011: Globalization and the Roman Empire: the genealogy of «Empire» // SEMATA. Ciencias sociales e humanidades. 23, 99–113.
28. *Hitchner R.B.* 2008: Globalization avant la lettre: Globalization and the History of the Roman Empire // New Global Studies. 2. 2 (<http://www.bepress.com/ngs/vol2/iss2/art2>)
29. *Longfellow B.* 2010: Roman Imperialism and Civic Patronage: Form, Meaning, and Ideology in Monumental Fountain Complexes. Cambr.
30. *Mann M.* 1986: The Sources of Social Power. Vol. I. Cambr.
31. *Mattingly D.* 2002: Weak and Vulgar «Romanization», or Time for a Paradigm Shift? // Journal of Roman Archaeology. 15, 536–540.
32. *Mattingly D.* 2011: Imperialism, Power, and Identity: Experiencing the Roman Empire. Princeton–Oxford.
33. *Revell L.* 2009: Roman Imperialism and Local Identities. Cambr.
34. *Richardson J.S.* 2008: The Language of Empire: Rome and the Idea of Empire from the Third Century BC to the Second Century AD. Cambr.
35. Roman Imperialism... 1996: Roman Imperialism: Post-colonial Perspectives / J. Webster, N. Cooper (eds.). Leicester.
36. Roman Imperialism... 2003: Roman Imperialism and Provincial Art / S. Scott, J. Webster (eds.). N.Y.
37. Roman Imperialism... 2004: Roman Imperialism: Readings and Sources / C. Champion (ed.). Oxf.
38. *Seeley J.R.* 1889: Roman Imperialism and Other Lectures and Essays. Boston.
39. *Sidebottom H.* 2005: Roman Imperialism: The Changing Outward Trajectory of the Roman Empire // Historia. 54. 3, 315–330.
40. *Terrentano N.* 2008: The cultural implications of the Roman conquest // Roman Europe / E. Bispham (ed.). Oxf. (The Short Oxford History of Europe), 234–264.
41. *Webster J.* 1996: Roman imperialism and the «post-imperial age» // Roman Imperialism... 1996, 1–17.
42. *Whittaker C.R.* 1997: Imperialism and culture: the Roman initiative // Dialogues... 1997, 143–164.
43. *Woolf G.* 1998: Becoming Roman: The Origins of Provincial Civilization in Gaul. Cambr.

*А.В. Махлаюк,
доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского*